

На обратном пути конь Шэнь Си, словно черный порыв ветра, бешено мчался вперед, оставив остальных троих далеко позади. Отъехав на приличное расстояние, Шэнь Си бросил взгляд через плечо и увидел, что Цзинь-ван сильно отстал. Сделав вид, что это случайность, он натянул поводья, замедляя ход, а когда Цзинь-ван поравнялся с ним, поехал бок о бок. Однако его конь, как и сам хозяин, был молод, горяч и любил быть впереди всех: он не желал ни уступать первенство, ни плестись вялым шагом, поэтому вскоре снова сорвался в бешеный галоп. Чтобы подстроиться под темп Цзинь-вана, Шэнь Си пришлось то и дело натягивать поводья, вступая в негласное противостояние со своим скакуном.

Шэнь Си и сам не мог бы точно сказать, почему так поступал. Просто в те моменты, когда он ехал плечом к плечу с Цзинь-ваном, в душе разливалось странное чувство умиротворения и уверенности, поэтому он делал это совершенно естественно.

Цзинь-ван на протяжении всего пути был погружен в воспоминания и выглядел слегка рассеянным, но мелькающая то впереди, то позади фигура Шэнь Си всё же привлекла его внимание. Цзинь-ван обладал проницательным умом, и стоило ему лишь мельком взглянуть, как он тут же раскусил маленькую хитрость Шэнь Си. Он не стал ничего говорить, лишь едва заметно улыбнулся, притворившись, что ничего не замечает.

Процесс постепенного приручения этого дикого зверька доставлял ему огромное удовольствие. Хотя это требовало немало времени и сил, результаты были весьма впечатляющими: по крайней мере, сейчас этот сорванец начал неосознанно тянуться к нему. Кто знает, быть может, совсем скоро он сам прильнет к его груди, позволяя себя гладить? Цзинь-ван с нетерпением ждал этого дня.

В последующие дни Шэнь Си по утрам занимался боевыми искусствами и фехтованием вместе с Цзинь Хулу, днем сопровождал Цзинь-вана при осмотре военных лагерей и кузниц, где изготавливали оружие, либо же верхом на коне устремлялся на север, тщательно изучая горные хребты и рельеф окрестностей Цзиньюаня. По вечерам он усаживался за песочную карту и подробно прорабатывал стратегию против врага.

Пока он, нахмурившись, погружался в раздумья, Цзинь Хулу, проявляя удивительную чуткость, стоял рядом, подавал чай и воду, стараясь передвигаться как можно тише, чтобы не потревожить его. Если у Шэнь Си было хорошее настроение, он попутно обучал Цзинь Хулу основным принципам военного дела.

Та рыжая лисица, которую кормили на убой курицей, уткой и рыбой, заметно подросла и стала длиннее, чем подушка-валик. Она постепенно привыкла к Шэнь Си и не только перестала бояться людей, но и начала откликаться на свое имя. Стоило только встать у порога маленького дворика и позвать Люли, как лисенок тут же вылетал пулей, словно вспышка пламени, прыгал человеку на руки и начинал вовсю облизывать его своим длинным влажным языком. Княжна Фэйхун каждый день навещала в небольшой дворик Шэнь Си, докучая ему просьбами научить её фехтованию. Чем меньше внимания на неё обращали, тем сильнее она упрямялась, отказываясь отступать. В конце концов, она просто стала подражать движениям Шэнь Си и Цзинь Хулу, неуклюже размахивая в сторонку острым мечом. Шэнь Си, опасаясь, что она ненароком поранится, и тогда ему будет трудно объясниться перед Цзинь-ваном, долго размышлял, как быть, и в итоге поручил Цзинь Хулу смастерить для княжны небольшое

деревянное тренировочное оружие.

Так уж вышло, что отец Цзинь Хулу был плотником, и парень унаследовал от него немалое мастерство. Деревянный меч получился не только поразительно похожим на настоящий, но ещё и был покрыт лаком и украшен резьбой — если не считать того, что им нельзя было никого поранить, он почти ничем не отличался от подлинного оружия. Как только княжна Фэйхун получила его, она пришла в такой восторг, что даже стала общаться с Цзинь Хулу гораздо вежливее.

В мгновение ока наступило восьмое число двенадцатого месяца — день зимнего жертвоприношения, он же день просветления Будды. Жители города Цзиньян, не подозревая о грядущей войне, по-прежнему радостно благодарили богов за удачный, богатый урожайный год.

Главный управляющий Ху Буси заблаговременно распорядился сварить несколько огромных котлов каши из семи сокровищ и пяти вкусов, чтобы после посещения храма Чуншань Цзинь-ван и княгиня могли раздать её нуждающимся. Эта каша была не чета той, что варили в простых семьях из обычного проса, клейкого или желтого риса с добавлением вигны, бобов и фиников: в неё добавили пасту из красных бобов, ямс и мармелад, а сверху украсили вылепленными из теста фигурками Восьми бессмертных, бога долголетия и архатов, которые выглядели невероятно искусно и празднично.

Желая помолиться за успех в предстоящем походе, Цзинь-ван в этот раз взял Шэнь Си с собой. На улицах было не протолкнуться, людской поток напоминал море. Всюду, где проезжал кортеж Цзинь-вана, слышались радостные возгласы, а вдоль дороги люди склонялись в благодарных поклонах. Становилось очевидно, что, несмотря на пристрастие к вину и женщинам, Цзинь-ван пользовался искренней любовью местного народа.

Цзинь-ван и княгиня сидели в карете, и время от времени ван приоткрывал войлочную занавеску, украдкой поглядывая на Шэнь Си, который следовал за ними верхом. На Шэнь Си была самая простая повседневная одежда, на поясе не было золотых украшений или нефрита, как полагалось знатым господам, а волосы не были стянуты короной. Тем не менее, его воинственная осанка и прямая спина придавали ему величественный и необычайно благородный вид.

Княгиня, проследив за взглядом мужа, не удержалась и, прикрыв рот рукой, со смешком заметила:

— Шоучжи, поосторожнее. На улице сильный ветер, смотри, как бы глаза не застудил, так долго ими хлопая. Днями, когда княгиня обычно держалась сдержанно и достойно, лишь в присутствии Цзинь-вана она позволяла себе немного поозорничать. Выслушав её колкости, Цзинь-ван лишь самокритично усмехнулся:

— Я ведь уже не семнадцатилетний юнец, давно позабыл, как пишется слово стыдливость. Моё старое лицо достаточно толстокожее, и раз мне нравится на него смотреть, то я и смотрю. Неужели я должен это скрывать?

Княгиня приподняла брови и, покосившись на него, протянула:

— Что, значит, это и есть тот человек, ради которого ты готов петь в унисон под весенним ветром?

Цзинь-ван безмятежно улыбнулся:

— Сестра, что скажешь о нём?

Княгиня призадумалась:

— Хм, нрав у него диковат, но, к счастью, натура прямая. В словах и делах он проявляет искренность и простоту, вот только по возрасту он намного младше тебя...

Не успела она закончить, как Цзинь-ван тут же парировал:

— Сестра, твои слова не имеют смысла. Ты и Цин-гэ тоже в разнице в десяток лет, однако это не мешает вам хранить верность и глубоко чувствовать друг друга, не так ли?

Княгиня с досадой вздохнула:

— Ну и ну... — после чего с нежной улыбкой добавила: — Стоит человеку отдать своё сердце, будь ему восемнадцать или тридцать, он тут же начинает вести себя глупо. Я ведь не хотела сказать о нём ничего плохого, чего ты так разволновался? Я лишь опасаюсь, что он ещё не познал жизни, и потребуется немало усилий, чтобы помочь ему всё осознать...

Пока они шли, внимание Шэнь Си привлёк уличный лоток с засахаренными сладостями, и даже его маленькая воронья лошадка, словно понимая хозяина, замедлила шаг. Сладости делались из ячменя и проса с начинкой из сахара, грецких орехов, мёда, османтуса и цукатов, а снаружи покрывались толстым слоем обжаренного кунжута. Полюбовавшись некоторое время, Шэнь Си поманил Цзинь Хулу. Когда тот подошёл, Шэнь Си прошептал ему что-то на ухо. Цзинь Хулу закивал и тут же припустил прочь.

Вскоре Цзинь Хулу вернулся в строй, незаметно сунув Шэнь Си бумажный свёрток в красной обёртке, который тот поспешно спрятал за пазуху. И спрашивать было не нужно: в свёртке, несомненно, были те самые сладости.

Шэнь Си даже не подозревал, что его тайные махинации были замечены князем и княгиней. Улучив момент, он украдкой выудил кусочек лакомства и отправил в рот. Сладость оказалась восхитительной — хрустящая и тающая на языке, отчего он невольно прищурился от удовольствия. Княгиня посмотрела на Цзинь-вана и с лёгким смешком покачала головой:

— Взгляни, ну разве он не ребёнок?

На обратном пути они проезжали мимо винодельни. Насыщенный аромат хмельного напитка разлился по всей улице, пробуждая в Шэнь Си тягу к выпивке, и он снова тайком послал Цзинь

Хулу купить два кувшина старого байфэня. Цзинь-ван был ценителем, и в его поместье хранились редкие элитные вина, на фоне которых вино из уличной лавки, конечно, выглядело бледно. Но Шэнь Си привык пить вино Цзинь-вана и теперь хотел сам угостить его — пусть даже это вино попроще, зато куплено на свои деньги.

Вернувшись в поместье и немного отдохнув, Шэнь Си воодушевлённо направился с кувшинами к кабинету Цзинь-вана, но, не доходя до дверей, столкнулся с Ху Буси.

С того самого банкета, когда Цзинь-ван сравнил Шэнь Си с орлом, Ху Буси стал куда более обходителен, а сегодня и вовсе принялся рассыпаться в лести:

— О, не молодой ли господин Шэнь? Вы выглядите всё бодрее и бодрее. Хотите увидаться с князем? Какая жалость, князь только что отправился в павильон у воды слушать игру на гуцине. Пожалуй, присядьте, а я немедленно передам ему весточку.

Хотя Шэнь Си презирал этого старого евнуха за его привычку заискивать перед сильными и притеснять слабых, он не хотел гонять старика по делам. Он протянул ему кувшины:

— Не утруждайтесь, я сам дойду. Будьте добры, подогрейте вино, позже мы с князем выпьем по паре чарок.

Выйдя из кабинета, Шэнь Си пересёк каменный мост и зашагал к павильону у озера. Поскольку стояли сильные холода, все окна павильона были плотно закрыты, и музыки слышно не было. Стражник у входа, узнав в госте Шэнь Си — любимца Цзинь-вана, — поспешил внутрь с докладом, но в спешке неплотно прикрыл дверь, оставив узкую щель.

Шэнь Си, скучая в ожидании, оглядывался по сторонам и невольно заглянул в эту щель. В тот же миг он увидел Цзинь-вана и Цзян Юньшэна. Павильон был устлан привезёнными из Персии коврами, а рядом стояла золочёная жаровня, в которой тлели благовония высшего сорта. Цзинь-ван полулежал, а Цзян Юньшэн мягко прильнул к его груди, положив подбородок на плечо князя. Он что-то ласково нащёптывал, а его одеяние, небрежно сползшее с плеч, обнажало тонкую ключицу. Цзинь-ван одной рукой уверенно придерживал его за талию, а другой ласково поглаживал по спине — в этом жесте сквозило такое сострадание и нежность, что их невозможно было скрыть.

Пока те двое ничего не замечали, Шэнь Си поспешно отступил на несколько шагов и скрылся за колонной. Его сердце бешено колотилось. Поколебавшись мгновение, он развернулся и убежал прочь. Цзинь-ван был крайне удивлен, узнав, что Шэнь Си хочет его видеть. Он тут же лично вышел встречать гостя, но, к его удивлению, за дверью никого не оказалось. Поразмыслив, он оставил Цзян Юньшэна и поспешил обратно в кабинет, однако и там Шэнь Си не обнаружил. Лишь Ху Буси, внося вино, решил похвастаться:

— Ван-е, вы как раз вовремя вернулись. Старый слуга как раз подогрел вино и велел приготовить несколько закусок. Не знаю, останутся ли довольны вы и молодой господин Шэнь.

Он вытянул шею, пытаясь разглядеть что-то за спиной Цзинь-вана, но, не найдя Шэнь Си,

заметно растерялся:

— Только что молодой господин Шэнь принес вино и приказал мне подогреть его, сказав, что сам пойдет в водный павильон пригласить вас. По всему выходит, что вы разминувшись.

Услышав это, Цзинь-ван досадливо поморщился. Он сразу догадался, что Шэнь Си стал свидетелем какой-то сцены, неверно ее истолковал и молча ушел. Неужели этот парень приревновал? Впрочем, подумав, он отбросил эту мысль: Шэнь Си еще не питал к нему чувств, да и даже если бы полюбил, то вряд ли стал бы закатывать сцены ревности.

Сам Шэнь Си и не мог бы объяснить, что с ним творится. Пока он шел обратно из водного павильона, его тело охватил странный жар. Внизу живота словно разгорелось пламя, обжигающее меридианы и заставляющее чувствовать себя крайне неудобно. Хотелось немедленно что-то разрушить, что-то сокрушить. Но хуже всего было то, что мужское естество между ног непроизвольно напряглось, отчего Шэнь Си охватил невыносимый стыд.

Тяжело дыша, он добежал до своего дворика, влетел в комнату, схватил меч и выскочил наружу, где начал неистово махать клинком, пытаясь унять дурные мысли. Сталь сверкала, словно чешуя, поднимая ледяной ветер. В углу двора зацвела слива, и под натиском меча лепестки посыпались на землю, наполняя воздух густым ароматом.

Постепенно мысли Шэнь Си полностью сосредоточились на мече, и он забыл о телесном недуге. Стены двора растворились, величественный дворец Цзинь-вана исчез. Перед глазами предстала далекая река и скрытые в дымке горы. Он словно снова оказался на вершине Хунъя, на горе Ланьюэ, где ветер с запада гнал облака, а дикая трава склонялась к земле...

Когда Шэнь Си, весь в поту и до крайности изнуренный, закончил серию движений, он взмахнул рукой, и меч вонзился в балку под крышей. Сам же он без сил повалился прямо на холодные каменные плиты двора. Холод, проникающий в тело, окончательно погасил тот безымянный пожар.

Внезапно небо над ним потемнело — его закрыла чья-то высокая фигура. Шэнь Си покосился и увидел сперва мягкие домашние сапоги цвета охры с вышитыми облаками, а затем — длинный, до самых пят, плащ из меха соболя, расшитый золотыми нитями. Лицо человека, стоявшего против солнца, было не разобрать, лишь очертания сияли золотым нимбом. Свет резанул глаза, и Шэнь Си невольно прикрыл их рукой.

Мужчина перехватил его руку и помог подняться:

— Забыл, что говорил господин Гу? Лежать на холодной земле — значит потом горько расплачиваться за простуду.

Увидев Цзинь-вана, Шэнь Си глуповато улыбнулся:

— Слишком жарко стало от упражнений, решил немного остыть.

Цзинь-ван бережно отряхнул с его одежды пыль и лепестки:

— В водном павильоне Цзян Юньшэну внезапно стало плохо, он едва не упал. Я просто поддержал его.

Шэнь Си, не задумываясь, ответил как ни в чем не бывало:

— После случая с цитрой Дую я уже понял, какие чувства вы питаете к господину Цзяну, так что скажу прямо: вы — мастер актерской игры.

Цзинь-ван замер. Он не ожидал, что парень даже не станет ревновать, и не знал, расстроиться ему или обрадоваться. Он смущенно рассмеялся:

— Разве Няньцин не хотел выпить со мной?

Шэнь Си давно отбросил все прежние мысли и охотно кивнул:

— Именно так. Вы окажете мне честь?

Цзинь-ван громко рассмеялся:

— Няньцин даже вино приготовил, разве могу я отказать? Пойдем. — Он обнял Шэнь Си за плечи, и они, довольные, направились прочь.

В боковой комнате кабинета стояла огромная тахта, на которой Цзинь-ван часто отдыхал, засидевшись допоздна за государственными делами. Он велел накрыть стол, и они с Шэнь Си, усевшись по краям, пили и беседовали. Застолье затянулось до глубокой ночи. Под ними лежала шкура тигра, добытая Шэнь Си, в жаровне ярко пылали угли, за окном царил тишина, а в комнате было тепло и уютно, и даже блики света в стеклянном бокале, казалось, плясали от радости.

Шэнь Си, как обычно, говорил о военном деле. Едва усевшись, он принялся увлеченно рассказывать о тонкостяхковки стрел: арбалетные болты точнее и удобнее в обращении, но зависят от внешних условий; луки требуют мастерства и дольше перезаряжаются, зато бьют дальше... У него пересохло в горле, и он прикладывался к бокалу, чтобы смочить его и продолжить. Цзинь-ван почти не вступал, лишь улыбаясь, слушал и время от времени подливал вино в пустой бокал Шэнь Си.

Окружение Цзинь-вана всегда было полно красавцев, и по сравнению с ними Шэнь Си казался самым обычным. Но в нем была какая-то особая искра. Это было чувство, которое нельзя описать словами. С того самого мгновения, как Цзинь-ван увидел его на полуразрушенной городской стене — юношу, летящего на коне с вершины горы, словно меч, разрубающий скалу

— этот образ навсегда отпечатался в его сердце. Он так любил этого Шэнь Си в те минуты: необузданного в битве, не знающего преград, гордо стоящего под небесами...

Когда Цзинь-ван очнулся от своих мыслей, он заметил, что Шэнь Си замолчал. Цзинь-ван медленно налил себе вина и произнес:

— Няньцин...

Ответа не последовало. Цзинь-ван поднял глаза и увидел, что Шэнь Си уже уснул, прислонившись к подушке, и крепко сжимал в руке пустой бокал. Цзинь-ван беспомощно улынулся, на цыпочках подошел, накрыл его меховой накидкой и, вернувшись на место, продолжил пить в одиночестве. Глоток вина — взгляд на Шэнь Си, раздумья — еще глоток, снова взгляд на Шэнь Си...

В этот миг он не был принцем Великого Чжоу, не был ваном земель Цзинь, не был господином, в руках которого была власть над жизнью и смертью. Он был самым обычным человеком по имени Вэй Люй. Он наклонился вперед и кончиком пальца легонько провел по кончику носа Шэнь Си. Тот во сне смешно шмыгнул, но продолжал сладко спать.

Цзинь-ван беззвучно рассмеялся. Если бы так прошла вся оставшаяся жизнь — было бы совсем неплохо.

На следующее утро, как только рассвело, Гэ Сяобай пришел в кабинет просить аудиенции у Цзинь-вана. Последние дни он даже не видел его тени: Цзинь-ван постоянно отказывал, ссылаясь на занятость. Но это было еще полбеды — вчера, в праздник Лаба, из всего гарема принц взял с собой в монастырь Чуншань только Шэнь Си. Это заставило Гэ Сяобая всерьез насторожиться.

Подойдя к кабинету, он увидел вереницу слуг, несущих медные тазы, кувшины с водой и туалетные принадлежности. Он схватил за рукав проходящую мимо служанку:

— Кто провел здесь ночь? Для кого эти приготовления?

Девушка присела в реверансе:

— Молодой господин, это приготовлено для вана и господина Шэнь.

Услышав это, Гэ Сяобай вообразил, что Шэнь Си и Цзинь-ван уже разделили ложе. Его охватили гнев и зависть, глаза покраснели от обиды. Он стоял на месте, тяжело дыша, а потом резко развернулся и ушел, взметнув полы одежды. За поворотом он едва не столкнулся с Гу Чжоцзы.

Гу Чжоцзы всегда был вежлив со всеми, независимо от искренности чувств, и, увидев Гэ

Сяобая, поклонился:

— Господин Гэ.

Гэ Сяобай даже не взглянул на него, лишь холодно фыркнул и прошел мимо. Гу Чжоцзы поджал губы, но лицо его осталось невозмутимым.

Войдя внутрь и увидев, что Цзинь-ван приводит себя в порядок, Гу Чжоцзы решил, что Гэ Сяобай провел с ним ночь и ушел, рассердившись из-за какой-то ссоры, не подозревая, что в боковой комнате спит кто-то еще. Когда Цзинь-ван закончил умываться, Гу Чжоцзы склонился и прошептал:

— Ван-е, я только что получил известие: маленький император издал указ о переводе Армии семьи Шэнь из Ифувэя. Кажется, войска уже выступили. Теперь, когда у нас стало на одну серьезную угрозу меньше, этот план, наконец...

Цзинь-ван испуганно замахал рукой, приказывая замолчать. Как раз в этот момент из боковой комнаты вышел Шэнь Си и сонно пробормотал:

— Шоучжи...

Вино из Фэнь по праву считалось чистым и освежающим, оно оставляло мягкое и долгое послевкусие, поэтому Шэнь Си спал так крепко, что пропустил даже утреннюю тренировку. Открыв глаза и увидев резной стол и занавеси с вышитыми драконами и фениксами, он долго не мог понять, где находится, пока не вспомнил, что вчера перебрал и остался ночевать в кабинете Цзинь-вана.

До его слуха донеслись обрывки разговора Гу Чжоцзы, в котором упоминалась Армия семьи Шэнь. Шэнь Си, все еще сонный, поднялся и, обойдя ширму, не спеша спросил:

— Господин Гу, есть новости о маршале Шэнь?

Увидев Шэнь Си, Гу Чжоцзы тут же сменил тон:

— О, я только что услышал: по указу Его Величества, старый генерал Шэнь, отличившийся в обустройстве приграничных жителей и укреплении армии, отозван в столицу для доклада. Армия семьи Шэнь направляется в Жуниин на отдых, а позже, вероятно, будет переброшена в Сюйчжоу для патрулирования границ...

— Сюйчжоу? — Шэнь Си нахмурился. Армия семьи Шэнь веками охраняла северные рубежи, и все воины были северянами. Переброска на юг, к иному климату и условиям, неизбежно приведет к падению боеспособности. К тому же, окружным управлением правой армии командовал дядя маленького императора, великий дуду Лю Мао, чьи войска и так были сильны, помощь им не требовалась. Неужели маленький император, зная о вражде отца с Гу

Минчжаном, отправил их на юг, чтобы задобрить последнего? Или это козни того самого льстеца Гу, который очернил отца в глазах императора? Впрочем, Шэнь Си не слишком волновался: три поколения семьи Шэнь были верны престолу, все они были искусными полководцами, а в такое время императору не пристало разбрасываться верными воинами. Разве он мог расформировать их армию?

<http://bllate.org/book/21936/2279026>